

ЗАТЕРЯННЫЙ РАЙ

– Ничего на свете лучше Кич-Городка и нашего Почтового Починка я не знаю. А я где только не был: и в Казахстане целину поднимал, и в Сибири академгородок строил, и в архангельской тайге лес валил под космодром Плесецкий, на Дальнем Востоке в театре играл, в Карелии художественной самодеятельностью руководил, с Пермской оперой полстраны объехал. Есть с чем сравнить. Можешь себе представить, нигде так комфортно я себя не чувствовал. Город он что? Он сплошная суета и нервогрёпка. А здесь я отдыхаю...

– Господи, да что же Вы такое говорите, Аркадий Викентьевич! – воскликнул я поражённый. – Видел, видел, как Вы отдыхаете. На сенокосе, по жаре – пот градом, рубаха к телу липнет, сенная труха за шиворотом зудит, овода, пауты, слепни как реактивные носятся, жалят, что железом калёным клеймят... А Вы с утра и до вечера, как швейная машинка!

А зимой? По снегу в целик до лесу. Лошади и той тяжело. Одних дров навалить сколько надо! А вывезти, а раскряжевать, расколоть! И связи с цивилизацией никакой, ни почты, ни телефона, автолавка и та раз в месяц завернёт в ваш Почтовый. Не понимаю...

Аркадий Викентьевич Чекавинский, мой собеседник, прихлебнул из чашки крутого чаю и счастливо рассмеялся:

– Родина здесь наша, родина. А пауты что? К паутам мы привыкшие, не замечаем, – сказал он. – А вот без родины человеку ну никак нельзя.

Почтовый Починок – маленькая деревенька в середине пути между Кич-Городком и Великим Устюгом. Лежит словно медведь в берлоге, занесённая по брови домов чистейшими снегами да курит в небо горьковатый дым осиновых дров. Всего и домов-то жилых не больше пятка, а всё-таки деревня живая.

Ещё несколько лет назад здесь не было даже электричества. Припозднилась лампочка Ильича, заплутала на путях прогресса. Так и жил Починок при свете керосиновой лампы, революцию и советскую власть пережил, приватизацию и ваучеризацию... И вовсе пропал бы Починок лет через десяток, оставив по себе лишь заросшие крапивой пещины, если бы не вернулся в него на постоянное жительство Аркадий Викентьевич Чекавинский, солист Пермского оперного театра со своей женой балериной Чекавинской и детьми Антоном и Иваном, Егором и Машей, оставив навсегда городскую квартиру с электричеством и газом, тёплым санузелом и паровой батареей.

Чекавинские поселились в ветхом родовом доме, но за дело взялись круто. Добились и провели в деревню электричество, обзавелись грузовиком, лошадью, парой коров, затеяли строительство нового в два этажа с мезонином дома... Старший Чекавинский за прораба, а ребята с топорами и пилами... Не смотри, что молодые да городские, а такой домино отгрохали, что глянешь, и шапка с головы валится. Нынешней осенью Аркадий Викентьевич печи сложил и новоселье справили.

И вот сидим мы за большим семейным столом Чекавинских, на столе фыркающий старинный самовар, пироги, рыжики в сметане, исходящая паром картошка, клюква в сахаре – настоящее пиршество – едим, пьём чай и слушаем рассказы Аркадия Викентьевича.

– Я своих предков по материнской линии знаю до шестого колена. Мой прапрапрадед Ардалион Иванович выделялся большой набожностью. Из наших дебрей дважды пешком в Иерусалим ходил поклониться Гробу

Господню, там и умер, имя его на Афонской горе высечено. Диодор Ардалионович, сын его, основал в трёх километрах отсюда наш родовой Карандашевский Починок. Это уже на памяти моей матери было Марии Ивановны. На её памяти деревня эта основалась, при её жизни и существование закончила. Ах, какие там поля! Какие луга медоносные были! И всё сейчас зарастает, и сил нет, чтобы поднять и спасти... Аркадий Викентьевич тягостно вздохнул:

– Не знаю, смог бы спасти Карандашевский, станься я в деревне тогда, не знаю... Исходил всю Россию, а вот святой землёй, земным раем для меня оказалась родина... Жизнь моя круто начиналась. После войны сразу попал в лагерь. Малолеткой. Подрались с ребятами из соседней деревни, дали срок. В лагере возили как-то картошку, оставили без присмотра, а утром двухсот килограммов не досчитались. Восемь лет лагерей. На лесоповал. Пайка четыреста граммов хлеба да баланда с капустным листом. Выжил. В пятьдесят третьем со смертью Сталина на свободу выпустили. Стал жизнь навёрстывать. Куда только ветер перемен не заносил!

Да, событий в жизни Чекавинского не на одного человека хватило бы. От зека малолетка в глухой тайге до залитой светом сцены лучших оперных залов и снова до маленькой, собравшейся было умирать деревеньки Почтовый Починок.

С возвращением семьи Чекавинских в Почтовый Починок ожила не только эта маленькая деревенька. Ожила, наполнилась новым содержанием культурная жизнь самого Кичменгского Городка. Раиса Павловна Чекавинская организовала в райцентре хореографическую школу в четыре класса. Долгими зимними вечерами с дочерью Машей они сшили бесплатно порой из собственных материалов более сотни костюмов. А какие концерты стала давать хореографическая школа в этом затерянном медвежьем краю! И сам Аркадий Викентьевич часто, напоив и накормив скотину, надев концертный костюм и бабочку, спешит в Городок на автобусе, чтобы дать концерт русского романса, а ранним утром снова вернуться к своим крестьянским заботам.

– Ах, какой певуньей была у меня мама! – закрыв глаза, вспоминает Аркадий Викентьевич. – Вот послушайте её песню:

*Как посею, как посею
Лен-конопель, лен-конопель...*

Голос у хозяина густой, шелковистый. Иван садится за пианино, Егор гитару берёт... Песня набирает силу, крепнет голосами жены и детей, ей тесно уже в новом доме, она выплёскивается на улицу, летит над заснеженными полями и лугами, отзывается в ближнем перелеске и стынет вдалеке в студёном предвечерье...

С рассветом хозяин уже на ногах, обряжает скотину, готовится ехать в лес. Но прежде неизменная на протяжении всей жизни процедура: обливание. Ужас берёт, когда проломив на ведре ледок, ухнет Чекавинский на голое тело, перекаत्याющееся крутыми мускулами, студёную воду и засмеётся восторженно. Глядишь на него и поражаешься, не веришь, что скоро этому человеку исполнится ... семьдесят пять лет! Что он старше своей жены почти на четверть века.

А он полон планов, как на ближайшее, так и на самое отдалённое будущее: планов хозяйственных и творческих.

– Знаешь, – признался он. – У меня есть мечта. Хочу поставить на кичгородской сцене оперетту «Донна Лючия, или Здравствуйте, я ваша тетя!» Артистов уже подобрал, одна беда – нет клавира...

Я помог ему найти клавир оперетты. И оперетту он поставил. Но случилось непоправимое. Аркадий Викентьевич ушёл в мир иной. И вновь судьба Почтового Починка под угрозой. Вернутся ли в него дети Аркадия Чекавинского, как вернулся когда-то он сам?

*Анатолий Ехалов
Вологодская область*